

Марк Алданов. Бегство

Оригинал находится здесь: [Библиотека Александра Белоусенко](#)

Электронная версия – **Леон Лауреш**

Дополнительная правка: Primus, май 2007 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Критики называли "Ключ" – "Бегство" историческим романом. Думаю, что это неверно. Во всяком случае, мой замысел был иной: на фоне перешедших в историю событий только проявляются характеры людей. Возьму для примера главы "Бегства", действие которых происходит в Киеве. Едва ли нужно объяснять, что если б я хотел подойти к украинским событиям в качестве исторического романиста, – я очень расширил бы эти главы и построил бы их совершенно иначе. В действительности, моей целью, конечно, не была картина большого и разнородного движения, в котором принимало участие много достойных людей. Мне важно было лишь выяснить, как поведут себя в связи с событиями на Украине некоторые действующие лица романа, оказавшиеся в 1918 году в Киеве. С гораздо большим правом можно было бы сказать, что я подошел, как исторический романист, к большевизму. Однако и здесь меня меньше интересовали события, чем люди и символы, – очень внимательный читатель заметит и то, что их связывает с моей исторической тетралогией. К людям "Ключа" – "Бегства" я, быть может, вернусь. Автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Между двойными стеклами окон осенью не положили ваты, не поставили стаканчиков с серной кислотой. Паркетов не натирали три месяца, субботних уборок не делали. Но работы у Маруси было больше, чем прежде. После смерти барыни горничная ушла, и Маруся осталась у Яценко одной прислугой. Доходы ее от этого не увеличились; на чай теперь почти никто не оставлял; в передней, уходя, гости надевали шубы без помощи Маруси и, стараясь на нее не глядеть, смущенно выходили на улицу. Маруся у дверей строго-пристально на них смотрела, впрочем, больше потому, что этого требовал профессиональный долг. В действительности чувства ее были сложные: ей и жалко было господ, но было и приятно, что все они разорились. Такое же чувство, только еще более тонкое, Маруся испытывала и в отношении Николая Петровича. Соболезнование в ней преобладало: она искренно любила барина, Витю и заливалась непритворными слезами, когда от новой болезни, называвшейся испанкой, скоропостижно умерла Наталья Михайловна (хоть ее прислуга любила значительно меньше). Тем не менее Маруся говорила теперь с Николаем Петровичем грубовато-фамильярным тоном, который прежде был бы невозможен. Жалованья ей давно не платили. Питались они все хуже. Съестные припасы трудно было доставать в Петербурге и за большие деньги, а у них в доме денег было очень мало. Витя завтракал в училище, обедал и жил у Кременецких, которые на время взяли его к себе после смерти Натальи Михайловны.

Николай Петрович был теперь ко всему равнодушен. Вид у него был ужасный, – все к нему приходившие говорили это в один голос, чувствуя, что такие слова приятны Николаю Петровичу. Об ужасном виде Яценко в этот темный зимний день сказал с силой, точно требуя каких-то выводов из своих слов и соответственных действий, Владимир Иванович Артамонов, забежавший к ним на минуту.

В ту зиму 1917–18 гг. люди не просто приходили друг к другу в гости, а забегали на минуту, о чем тотчас, еще в передней, предупреждали, как бы успокаивая хозяев. Это нисколько не мешало оставаться долго, до позднего вечера: делать всем было нечего. Впрочем, и поздний вечер теперь наступал в десять или в одиннадцать. Прежде в эти часы настоящие петербуржцы еще подумывали у себя дома, не пойти ли попозднее куда-нибудь скоротать вечерок. Теперь после полуночи выходить на улицу было неприятно: из уст в уста